

possible grounds for subsequent accusation. The best example of this was Cato's denunciation of Lucius Quinctius Flaminius (Liv. 39. 42. 8–12). It owes a heavy debt to Greek formulations of a monarchical discourse. Cicero also draws attention to the importance of the entourage as regards the image and reputation of the governor (Cic. Q. fr. I. 1. 12–13).

Particular cases of maladministration of the governor and the members of his entourage were usually perceived as a rogue exception and served to highlight the dangers of imperialism, for governor as well as for governed, and to validate the otherwise high quality of Roman imperial administration.

The Roman self-image as a beneficent imperial power (self-criticisms notwithstanding) came to be broadly accepted among provincials themselves. It indicates the extent to which the Roman empire was so very coherent.

Киммерийцы: проблемы исторической и культурной интерпретации

© 1999 г.

МЕСТНЫЕ И ЗАИМСТВОВАННЫЕ КОМПОНЕНТЫ КИММЕРИЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ

(По материалам керамики)

«По масштабам и мощи воздействия на окружающий этнокультурный мир Европы киммерийцы предваряют собой все те изменения в древнем мире, которые в еще больших масштабах произошли в пору скифского господства в Северном Причерноморье» – эти слова принадлежат известному исследователю А.И. Тереножкину¹. А priori можно предположить принципиальную пространственно-временную неоднородность такого сложного этносоциального явления, как киммерийская культура. В настоящее время как бы на высшем таксономическом уровне установлено место киммерийской культуры в системе северопричерноморских культур финальной бронзы – предскифского периода раннего железного века. На среднем таксономическом уровне киммерийские памятники получили привязку к периодам, выделенным внутри этих этапов. Однако во многом еще остаются открытыми вопросы о направленности и интенсивности взаимовлияний этносоциальных процессов, соответствующих следующему более низкому таксономическому рангу. Пространственно-временные неоднородности киммерийской культуры в своей совокупности составляют сложную иерархическую систему, в которой наименее изученным остается ее нижний уровень, образуемый динамическим единством местных и привнесенных компонентов.

Анализируя точки зрения по различным аспектам киммерийской проблемы, относящимся ко всем трем ее таксономическим рангам, нельзя не отметить проявления своеобразного «астигматизма» у большинства новых участников дискуссии, выражающегося в пренебрежении «неоружейными» и «неуздечными» категориями вещевого комплекса. Между тем при решении многих вопросов (например, этногенеза и истории ранних кочевников Евразии, общего и особенного в их развитии, палеоэкономики, палеоэкологии, влияния кочевых институтов на ход мировой истории, взаимодействия кочевых и оседлых народов и т.п.) изучение керамики играет далеко не последнюю роль, а для ряда случаев именно исследование керамики представляется *experimentum crucis*.

И по прошествии 20 лет после выхода монографии А.И. Тереножкина «Киммерий-

¹ Тереножкин А.И. Киммерийцы. Киев, 1976. С. 21.

цы» в основном остается справедливым разработанный им подход к проблеме происхождения киммерийского этноса. Материалы последующих полевых исследований², результаты изучения лощеной керамики подтвердили вывод о местной – северо-причерноморской – основе киммерийской культуры³. Однако до сих пор вопрос об иноэтнических компонентах в культуре населения Северного Причерноморья в позднейшее предскифское время, характере взаимодействия «соседствующих» этносов, идентификации этих взаимовлияний специально, тем более на материале керамики, не рассматривался, а изучался лишь по наиболее заметным компонентам комплекса киммерийской культуры – оружию и узде, в составе которых выделяется только кавказский пласт влияния⁴.

Вступая в дискуссию по киммерийской проблеме и солидаризируясь с мнением В.Р. Эрлиха о том, что «контакты Северного Причерноморья и Северного Кавказа с Передней Азией и Закавказьем достаточно отчетливо прослеживаются в комплексах времени новочеркасского клада "классического"»⁵ вида, еще раз отметим, что аргументация этого положения вплоть до последнего времени базировалась в основном на анализе некерамической части материальной культуры памятников новочеркасского периода. По нашему мнению, исследование любой отдельной категории материала, в том числе керамики, является необходимым, хотя во многих случаях и недостаточным, условием решения киммерийской проблемы. Появление лощеной керамики (горшков, чаш, глубоких черпаков) в степных погребениях относится к периоду поздней бронзы (памятники сабастиновской культуры). В могильниках белозерской культуры появляются виды лощеной керамики, просуществовавшие в степных культурах вплоть до раннескифского времени – кубки, чаши, горшки⁶.

Основным материалом для исследования послужила коллекция керамики из погребений предскифского времени. Группа погребений этого периода, содержащая керамику черноговоровского и новочеркасского типов, опубликованная А.И. Тереножкиным, за последние 20 лет значительно пополнилась. Для идентификации или получения вывода о схожести посуды будем исходить из совпадения трех-четырех признаков (например, формы, технологии, орнамента – нарезного, прочерченного, штампованного и т.д., его мотивов, сюжетов и т.п.).

Керамика погребений черноговоровской группы памятников представлена 25 сосунами, найденными в 24 погребениях. Чаще всего лепные сосуды вместе с деревянной утварью стояли у головы погребенного. Основной вид лощеной керамики этого периода – кубки – сохраняет черты, позволяющие говорить о связях посуды этого вида с керамикой предыдущего периода (рис. 1, 2, 4; 2, 2–6, 9, 10). Несомненная близость чаш черноговоровских памятников к керамике белозерского периода (рис. 1, 1, 6). Полное отсутствие орнаментации или ее архаичность (горизонтальные каннелюры в основании шейки кубка – рис. 2, 2–6, 9; налепы – рис. 2, 3, 4, 9, 10; отпечатки зубчатого штампа на плечиках сосудов – рис. 1, 1–6) свидетельствуют о связях керамического комплекса черноговоровских памятников с посудой белозерских могильников. Кроме того, в керамике как белозерской культуры, так и черноговоровских

² Ванчугон В.П., Островерхов А.С. Позднекиммерийский курган близ Одессы // Новые археологические исследования на Одесчине. Киев, 1984. С. 57–66; Гребенников Ю.С., Елисеев В.Ф., Кляшницев В.К. Погребения предскифского периода в Южном Побужье // Ранний железный век Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1984. С. 33–49; Кубышев А.И., Полин С.В., Черняков И.Т. Погребение раннежелезного века на Ингульце // СА. 1985. 4. С. 144–155; Фіалко О.Е. Кіммерійське поховання поблизу Молочного лиману // Археологія. 1986. № 56. С. 58–61; Шевченко Н.П. Новые памятники раннего железного века на юге Украины // Древнейшие скотоводы степей юга Украины. Киев, 1987. С. 140–148.

³ Гаприлюк Н.А. Лощеная керамика степных погребений предскифского времени // Памятники древних культур Северного Причерноморья. Киев, 1979. С. 20–40.

⁴ Махортых С.В. Киммерийцы на Северном Кавказе. Киев, 1994.

⁵ Эрлих В.Р. В защиту происхождения традиций о причерноморском происхождении киммерийцев // ВДИ. 1994. № 4. С. 168.

⁶ Гаприлюк Н.А. Керамика степной Скифии: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киев, 1981. С. 5.

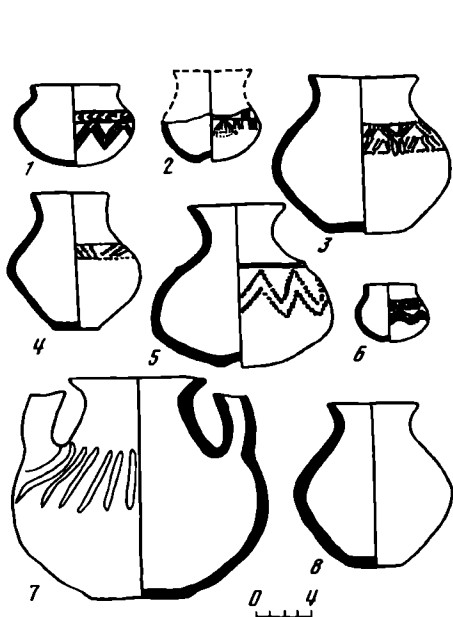

Рис. 1

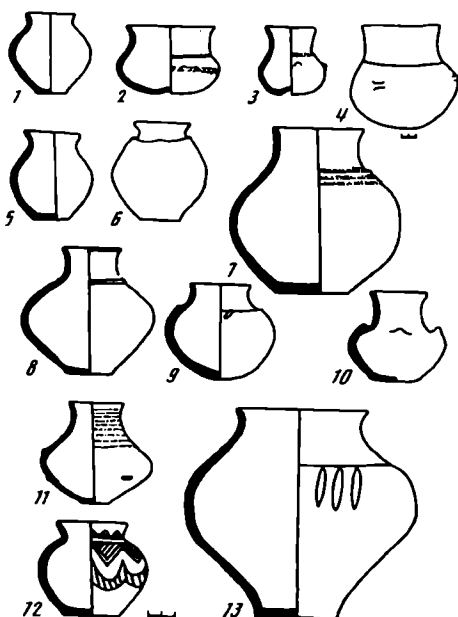

Рис. 2

Рис. 1. Лощеная керамика черногоровской группы: 1 – Днепрорудный 7/1; 2 – Ковалевка, гр. 7, 4/6; 3 – Сукля 3; 4 – Новая Одесса, гр. 3, 2/6; 5 – Малая Цимбалка; 6 – Волошское; 7, 8 – Великоалександровка 1/1

Рис. 2. Лощеная керамика черногоровской группы: 1–4 – Суворово 5/1; 5 – Львово 14/2; 6 – Соколово, гр. 2, 2/1; 7 – Суворово 6/1; 8 – Балки Высокая могила 2; 9 – Аккермень 11/9; 10 – Траповка; 11 – Калиновка 1/2; 12 – Великоалександровка 1/1; 13 – Целинное 16/3

памятников прослеживается связь с керамикой населения лесостепи (единичные находки черпаков и мисок) и Прикубанья (появление в погребениях Крыма кувшинов). Также новым явлением для памятников черногоровской группы становятся большие кубковидные сосуды (рис. 1, 3, 5) и как производные от них – узкогорлые корчаги (рис. 2, 7, 8), получающие широкое распространение в памятниках новочеркасского типа.

Большой интерес для понимания характера связей населения степи и их западных соседей представляет изучение корчаг типа вилланова. Пока их обнаружено немного: в погребении 2 кургана 1 у с. Калиновка, погребении 1 кургана 2 у с. Соколово и в Петрово-Свистуново (рис. 2, 11), т.е. в погребениях черногоровской группы памятников. Их отличает общее богатство погребального обряда, в котором выделяются сосуды шолданештской группы, в первую очередь – корчаги виллановского типа. Такие сосуды получили свое название от погребальных урн культуры вилланова, распространенной в Юго-Восточной Италии в IX–VIII вв. до н.э.⁷ Несколько видоизмененные (более стройные) корчаги виллановского типа появляются в керамике фракийских культур⁸. На территории современной Молдовы подобные корчаги встречаются в памятниках типа Шолданешт⁹, а на территории украинской лесостепи – в памятниках второй ступени чернолесской культуры¹⁰.

Керамика из погребений новочеркасского облика. В известных на сегодняшний день погребениях новочеркасского типа найдено 80 сосудов (64 погребения, из них

⁷ Монгайт А.Л. Археология Западной Европы. Бронзовый и железный век. М., 1974. С. 139.

⁸ Tonceva C. Chronologie du Hallstatt ancien dans la Bulgarie de Nord-Est. Sofia, 1980. P. 74. Pl. 29.

⁹ Мелюкова А.И. Памятники скифского времени лесостепного Среднего Поднестровья // МИА. 1958. 64. С. 68. Рис. 20, 1, 2.

¹⁰ Тереножкин А.И. Основы хронологии предскифского периода // СА. 1966. № 1. С. 63–86.

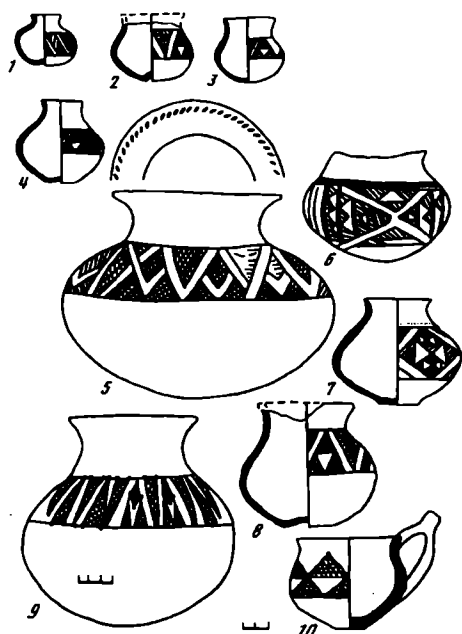

Рис. 3

Рис. 4

Рис. 3. Керамика жаботинского типа: 1 – Огородное 1/9; 2 – Кут 8/12; 3 – Вильно-Грушевка 11/2; 4 – Маяки/1; 5 – Софиевка 40/2; 6 – Васильевка 1/8; 7 – Привольное; 8 – Пивденное; 9 – Спасское 3/3; 10 – Петродолина 2/1

Рис. 4. Керамика киммерийской группы: 1 – сосуд из Николаевского музея; 2 – Касперовка 2/5; 3 – Красная Поляна 3/6; 4 – Высокая могила; 5 – Астахово; 6 – Новая Одесса, гр. 3, 1/1; 7 – Кут 32/7; 8 – Балковский/10; 9 – Жовтнєве; 10 – Васильевка 1/8; 11 – Зеленый Луг; 12 – Яблоновка 4/1; 13 – Ивановка 4/1; 14 – Широкая Балка 2/13

54 – безынвентарных). В четырех погребениях, кроме керамики, найдены бронзовые пластинки от головного убора или налобной повязки (Семеновка 2/1 – здесь и дальше первая цифра обозначает номер кургана, вторая – номер погребения), кремневые отщепы (Семеновка 2/1, Васильевка 1/8), гвоздевидная булавка (Богдановка 2/4), железные изделия (меч? – Зеленый Луг) и костяные наконечники стрел (Красное 5/3). Три погребения новочеркасского облика с керамикой (Зольное, Высокая могила 2, Великоалександровка) содержали богатый материал – деревянные сосуды, точильные бруски, оружие, украшения. Как правило, сосуды ставились в головах погребенных, за исключением шести погребений, в которых лепные сосуды, преимущественно корчаги, стояли в ногах погребенных.

В погребениях преобладали сосуды с лощеной поверхностью: кубки (небольшие сосуды с высокой изогнутой шейкой и шаровидным туловом и округлым с небольшой лункой в центре днищем высотой от 10 до 18 см, диаметры венчиков от 5 до 14 см, корпусов от 8 до 21 см, днищ от 2 до 6 см – рис. 3, 1–10); кубковидные сосуды, отличающиеся от кубков большими размерами (высота кубкообразных сосудов от 18 до 25 см, диаметр венчиков от 11 до 16 см, корпусов от 22 до 25 см, днищ от 6 до 10 см – рис. 1, 3, 5; 5, 6, 7); корчаги (лощенные сосуды разной формы высотой от 16 до 35 см, диаметром венчика – 12–17 см, тулова – 16–35 см, рис. 2, 7, 8, 11, 13; 4, 7, 8, 9; 6, 6, 8); горшки с лощеной поверхностью (рис. 1, 8). Крайне редко в погребениях новочеркасского типа встречаются сосуды без лощения. Это горшки тюльпановидной формы (рис. 5, 8–10), кувшиновидные сосуды (рис. 5, 1–5).

Керамическому комплексу населения предскифского времени на фоне его бросающегося в глаза морфологического единства присущ ряд отличий, в частности, в со-

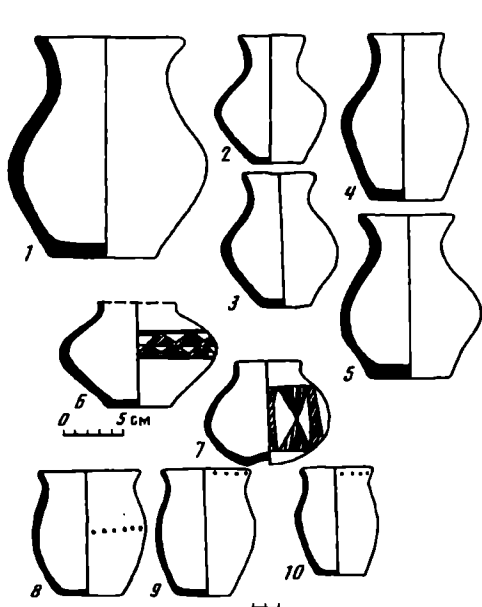

Рис. 5

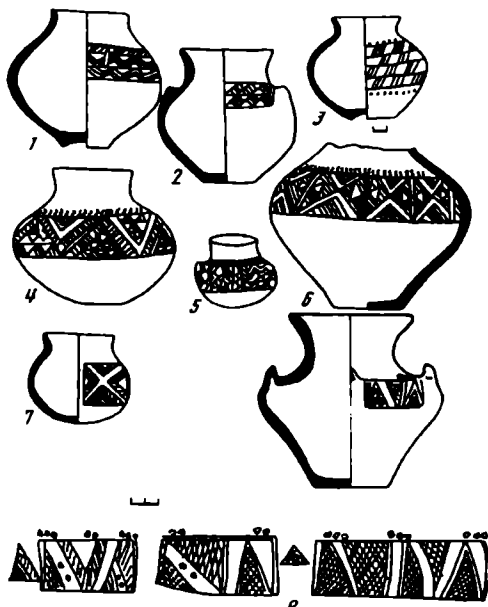

Рис. 6

Рис. 5. Сосуды протонеолитского, северокавказского облика, тюльпановидные лесостепные: 1 – Астанино 7; 2 – Рисовое 7/39; 3 – Рисовое 5/9; 4 – Усть-Койсуг; 5 – Рисовое 5/32; 6 – сосуд из Николаевского музея; 7 – Чернобаевка; 8 – Никопольское курганное поле; 9 – Касперовка 2/12; 10 – Богдановка 2/4

Рис. 6. Сосуды фракийского облика (типа Сахарна): 1 – Великодолинское; 2 – Семеновка 2/1; 3 – Красное 5/3; 4 – Каушаны; 5 – Сарата; 6 – Конгаз; 7 – Терновка; 8 – Великоалександровка 1/1

ставе посуды и, самое существенное, в ее орнаментации. Эти факты позволяют судить о культурном единстве населения степной зоны в предскифский период раннего железного века, а также об этнокультурном разнообразии исследуемого историко-географического региона. В результате морфологического анализа посуды из новочеркасских погребений и сравнения ее с керамическим комплексом черноголовских погребений выделяются общие черты. Так же как и в черноголовских памятниках, в памятниках новочеркасского типа преобладают не отличающиеся друг от друга по форме лощеные кубки; часто встречаются кубковидные сосуды и корчаги, лощеные горшки. Отличительные особенности «черноголовской» керамики по сравнению с «новочеркасской» – это отсутствие в памятниках последней чаш и появление в новочеркасских погребениях горшков без лощения. Наиболее информативным, имеющим диагностирующее значение отличием керамического комплекса новочеркасских погребений от керамики черноголовской группы, является обилие и разнообразие орнаментации. В последнем легко видеть отражение связей населения, оставившего погребения новочеркасского типа, с их соседями. Поэтому остановимся на орнаментальных группах керамики из погребений новочеркасской группы более подробно.

Кубки и кубковидные сосуды – наиболее орнаментированная часть керамики новочеркасских памятников. Господствующим становится расположенный на плечиках сосудов орнаментальный пояс, разделенный двумя, тремя или четырьмя горизонтальными линиями на полосы, заполненные простыми геометрическими фигурами (треугольниками, ромбами, зигзагами).

По технике исполнения на первое место выдвигается нарезной орнамент, в котором можно выделить несколько мотивов орнаментации. Преобладает резная орнаментация *жаботинского* типа (см. ниже). Орнамент выполнен режущим инстру-

Рис. 7. Кубок жаботинского типа с резным орнаментом (Кут 8/12)

ментом по почти высохшей поверхности сосуда и затерт белой пастой (рис. 7). Одним из наиболее распространенных является мотив, основу которого составляет зигзаг с небольшими незаштрихованными треугольниками, обращенными вершинами вниз. Зигзаг образован чередованием больших, полностью заштрихованных треугольников и треугольников, в которых штриховкой заполнены три угловых поля. Так орнаментирован кубок из погребения 5 кургана у сел Маяки, Пивденного (рис. 3, 5, 9). В орнаментации кубка из кургана 8 у с. Кут чередуются большие треугольники, заполненные штриховкой в виде вертикального зигзага, с большими треугольниками с клеточной штриховкой угловых полей (рис. 3, 2), иногда используется штриховка в виде косых линий (рис. 3, 3). Все описан-

ные выше орнаменты были заполнены белой пастой.

Композиции такого рода характерны для кубков жаботинского типа. Также орнаментированы сосуды из Райгорода, из курганов 9 и 357 у с. Константиновка, кургана 344 на р. Ташлык и кургана у с. Ромейки¹¹.

Вторую группу составляют орнаменты, основной мотив которых – комбинации незаштрихованных зигзагов. Так орнаментированы кубки из сел Софиевка, Огородное (рис. 3, 1, 6). Близкой аналогией этому орнаменту является одна из орнаментальных зон кубка из кургана 111 на Тенетинке¹². Иногда орнамент этого типа дополняется отпечатками круглого штампа, как на кубке из Спасского (рис. 3, 10). Подобный орнамент имеют кубки раннежаботинской группы памятников лесостепного Правобережья – из курганов 334 у с. Гуляй-Город, 247 у с. Константиновка, 343 на р. Ташлык¹³. Два зигзага, расположенные вершинами друг к другу, составляют основу композиции орнаментального пояса кубка из Привольного (рис. 3, 8). В центре орнамента образуются большие ромбы, а по краям, заполненные косой штриховкой, треугольники. В каждом ромбе – незаштрихованные бантичновидные фигуры, остальная часть площади ромба заполнена косой штриховкой. Близок к нему по орнаментации кубок из Васильевки (рис. 3, 7). В лесостепи таким образом орнаментирован черпак из кургана 391 у с. Грушевка.

В группу керамики жаботинского типа из новочеркасских погребений входит черпак из погребения 1 кургана 2 у с. Петродолина Одесской области, орнаментированный двумя рядами заштрихованных клеточной штриховкой треугольников, поставленных вершинами вверх (рис. 3, 11).

Кубки и черпак с описанной выше орнаментацией составляют одну группу с кубками жаботинского типа. А.И. Тереножкин датировал такие памятники, как курган 22 у Рыжановки и курганы 375, 377 у с. Константиновка, второй половиной VII в. до н.э. Опираясь на сходство керамики, А.И. Тереножкин и В.А. Ильинская относили к началу скифского периода и захоронения в степных курганах, содержащие сосуды в виде кубков с резным геометрическим орнаментом. В ходе изучения памятников

¹¹ Ильинская В.А. Раннескифские курганы бассейна р. Тясмин. Киев, 1975. С. 185, 193, 195, 203 сл. Табл. VI, 7; XIV, 4; XXIV, 4; XXV, 3.

¹² Там же. С. 205. Табл. XVI, 6.

¹³ Там же. С. 180. Табл. I, 3.

бассейна р. Тясмин В.А. Ильинская пришла к выводу, что значительная часть памятников жаботинского типа является более ранней и восходит к концу VIII – первой половине VII в. до н.э. Эта точка зрения возобладала в археологии раннего железного века в последние десятилетия, и сейчас принято считать, что жаботинский культурный комплекс в лесостепном Правобережье возник приблизительно в середине VII в. до н.э. В связи с этим, исходя из подобия морфологических признаков сосудов, становится очевидным, что степные захоронения с кубками, близкими по типу к жаботинским, также следует относить к предскифскому периоду, т.е. к новочеркасской группе. Кроме того, наличие лощеной керамики жаботинского типа в степных погребениях новочеркаского типа позволяет не только уточнить датировки новочеркасских погребений с бедным инвентарем (например погребений, в которых отсутствуют металлические изделия), но и отметить факт существования тесных связей обитателей степи с их северными соседями – племенами лесостепи. О последнем также убедительно свидетельствуют находки тюльпановидных нелощеных сосудов с жемчужным орнаментом, изредка встречающиеся в погребениях новочеркасской группы (рис. 5, 8–9). В целом в коллекции из погребений новочеркасской группы (80 сосудов) четверть сосудов происходит из лесостепи. Этот факт может свидетельствовать о проникновении в степной регион части лесостепного населения. Таким образом, есть основания говорить о достаточно мощной волне лесостепного переселения в степь в новочеркасское время, о формах которого при современном уровне развития археологии трудно судить (миграция? перекочевка? брачные связи? захват пленных? и т.п.). Картографирование степных погребений с керамикой жаботинского типа и с тюльпановидными горшками показывает их концентрацию в степном Приднепровье. При этом создается впечатление, что в предскифское время Приднепровье было основной территорией, на которой фиксируются разнообразные связи лесостепных племен с кочевниками, в данном случае – киммерийцами.

Наряду с керамикой лесостепной группы (жаботинской, в том числе керамикой тюльпановидных форм) в погребениях новочеркасского типа встречается посуда, не имеющая аналогий в культурах соседних народов и которую, по-видимому, можно отнести к керамике собственно *киммерийского* облика. Эту группу составляют лощеные сосуды, во-первых, не имеющие орнаментации (рис. 4, 10, 12), и, во-вторых, украшенные орнаментом, полученным процерчиванием заостренной палочкой по мокрой поверхности сосуда до его обжига. Орнаментация при этом отличается довольно небрежным, словно любительским, исполнением (рис. 8).

Мотивы орнаментации лощеной керамики собственно киммерийской группы более однообразны и значительно беднее, чем в жаботинской керамике. Преобладают кубки с орнаментальным поясом, разделенным горизонтальной линией на две полосы, или заполненные косой штриховкой под углом 45°, или заштрихованные (тоже под углом 45°) треугольниками. В ряде случаев пояса наполнялись равносторонними пилообразными зигзагами. Так орнаментированы кубки из Николаевского музея, Касперовки, Астахова, Кута (рис. 4, 1, 2, 5; к сожалению, на рисунках при передаче орнамента его элементы были линейаризированы и не отразили всех особенностей техники нанесения орнамента). Поэтому исходя из техники нанесения к собственно киммерийскому орнаменту можно отнести прочерченный, а не нарезной орнамент. Обычно он выполнялся тонкой, даже незаостренной палочкой (рис. 8).

Орнаментация кубка из Николаевского музея подобна зубчатому орнаменту кубка из погребения черногоровского облика у г. Новая Одесса (рис. 1, 4), а кубка из Касперовки – орнаменту кубковидного сосуда из Суклеи (рис. 1, 3). Возможно, такая орнаментация кубков появляется в степных памятниках под влиянием распространения зубчатой орнаментации в керамике белозерских памятников, в сюжетах которой преобладали орнаментальные полосы. По характеру обработки внешней поверхности и орнамента к описанным киммерийским сосудам близки кубки из черногоровских погребений у г. Новая Одесса, сел Зеленый Луг, Ивановка, Широкая Балка (рис. 4, 6.

Рис. 8. Сосуд с лощеной поверхностью и прочерченным орнаментом (Кут 32/7)

11, 13, 14), которые в свою очередь связаны по происхождению с керамикой предшествующей белозерской культуры позднего бронзового века (см. выше).

Подобно кубкам орнаментированы узкогорлые корчаги, на плечиках которых прочерчиваются по сырой глине зигзаги, треугольники, образующие замкнутую орнаментальную полосу (рис. 4, 4, 8, 9). Сосуды этого типа, появившиеся у населения Северного Причерноморья, оставившего черноморовские и новочеркасские памятники, отличаются также особой формой – узким горлом с внутренним диаметром приблизительно 12 см и шаровидным туловом. Возможно, эти сосуды предназначались для хранения и приготовления молочных продуктов (овечьих, кобыльих?). Этот вывод следует из близости диаметра горла к такому эргономическому показателю, как усредненная ширина человеческой ладони. Именно рукой, оказывая меха-

ническое воздействие на внутреннюю поверхность сосуда, можно снимать с нее казеиновый осадок, присущий молочным продуктам¹⁴. Таким образом, с большой долей вероятности можно говорить о пополнении собственно киммерийской группы керамики степных памятников молочными сосудами в форме узкогорлых корчаг.

Большинство новочеркасских погребений с собственно киммерийской керамикой сосредоточено в Побужье – Поингулье – Поднепровье, что позволяет нам высказать осторожное предположение о том, что, по-видимому, именно этот район являлся основной территорией обитания киммерийцев. Близкое соседство, даже перемежаемость погребений с чисто киммерийской керамикой с погребениями, содержащими посуду жаботинского типа, позволяет говорить о тесном взаимовлиянии двух культур предскифского периода – лесостепной и степной.

Кавказская и прикубанская (протомеотская) группы керамики по своему количественному составу немногочисленны. Тем не менее посуда такого рода встречается, и, возможно, факт немногочисленности таких сосудов отражает затухание этнокультурных явлений в когда-то находившейся под сильным кавказским влиянием материальной культуре в условиях нового эколого-экономического региона. Другими словами, присутствие некоторых типов сосудов в погребениях новочеркасского типа позволяет говорить о связи киммерийцев с кавказскими племенами. Этими находками являются сосуды из Чернобаевки и из Николаевского краеведческого музея. Орнамент кубка из Чернобаевки расположен на стенках сосуда. Основной элемент композиции – вертикально поставленные бантичновидные фигуры, образованные как бы собранными в пучки вертикальными линиями. Между ними помещаются двойные полосы, заполненные косой штриховкой, иногда образующие углы, расположенные вершинами вверх (рис. 5, 7). Подобные заштрихованные, вертикально поставленные бантичновидные фигуры характерны для орнаментации керамики второго периода кобанской культуры (IX – середина VII в. до н.э.)¹⁵. Аналогично орнаментированы сосуды из могильника в Кисловодске (по-

¹⁴ См. Лукич Г.Е. Конструирование художественных изделий из керамики. М., 1979.

¹⁵ Крунов Е.И. Об уточненной датировке и периодизации кобанской культуры // СА. 1962. № 1. С. 16.

гребения 11 и 13)¹⁶. сосуд из каменного ящика 2-го Каменноостовского могильника¹⁷ и кубок из Кумбулты. Последний также и по форме напоминает сосуд из Чернобаевки¹⁸. Сходная орнаментация присуща керамике Северного Кавказа начиная с периода поздней бронзы (Алхастинское поселение)¹⁹. Она продолжает существовать в керамике раннего железного века²⁰.

Для новочеркасского периода остаются характерными кувшины без ручек, появившиеся в степи еще во времена памятников протомеотской группы. Такие сосуды обнаружены в погребениях у сел Рисовое, Астанино, Усть-Койсуг. Они имеют высокую отогнутую в виде раструба шейку, плавно переходящую в равномерно выпуклое тулово. Дно плоское, широкое (рис. 5, 1–5). Сосуды этой формы имеют аналогии в протомеотских могильниках Прикубанья²¹. Рассмотренная керамика, имеющая аналогии в протомеотской, в основном встречается в погребениях Крыма.

В новочеркасских погребениях Северо-Западного Причерноморья преобладает керамика фракийского облика. В основном это посуда, имеющая аналогии в группе Сахарна-Солончены в Молдове²² (рис. 6, 1–8). Особенность орнаментации посуды этой группы – широкий орнаментальный пояс, занимающий порой все тулово сосуда, разделенный на орнаментальные зоны (метопы) с неповторяющимися мотивами. Примерами достаточно полного воспроизводства такой орнаментации могут служить кубки из Паркан, Терновки, Сараты (рис. 6, 5, 6). Наличие внутри орнаментальных зигзагов небольших, заполненных косой штриховкой треугольников, образующих циклический ряд, отличает кубок из Великодолинского от «стандарта» сахарна-солонченской орнаментации. Однако замена в нем верхней ограничительной линии невысоким ребром с насечками и конусовидными (сосковидными) выступами-налепами («пипками», как их называют болгарские археологи), наоборот, приближает его к группе фракийской керамики (рис. 6, 1). В орнаментации керамики «фракийского гальштата» почти всегда присутствуют отпечатки штампа: s-видного, круглого и более сложных²³.

Орнамент кубка из Семесовки (рис. 6, 2) напоминает орнаментацию черпака из могильника Сахарна²⁴, орнаментация кубка из Красного (рис. 6, 3) – черпаки из того же могильника²⁵. Некоторые зоны орнамента кубка из Каушан (рис. 6, 4) родственны орнаментации пиксид из этого же могильника. Аналогии в керамике Сахарна-Солончены имеет и орнамент сосуда из погребения у с. Великоалександровка (рис. 6, 8).

К редким формам сосудов фракийского облика в погребениях новочеркасского этапа относятся миска из кургана 178, черпак из Марьино²⁶ и сосуд с дополнительными горлами из погребения у с. Великоалександровка. Их аналогиями являются сосуды из могильника у с. Шолданешты, которые характерны для керамического комплекса раннего железного века Фракии, именно – для культуры Басарабь. Бли-

¹⁶ Зимятнищ С.Н. Отчет о работах на строительстве санатория КСУ в Кисловодске // ИГАИМК. 1935. 109. С. 20. Рис. 200, 67.

¹⁷ Гриневич К.Э. Новые данные по археологии Кабарды // МИА. 1951. 23. С. 131.

¹⁸ Грязнов М.П. О чернолощеной керамике Кавказа, Казахстана и Сибири в эпоху поздней бронзы // КСИА. 1966. 108. С. 133. Рис. 114.

¹⁹ Крупнов Е.И. Археологические памятники верховья р. Терек и бассейна р. Суижи // Тр. ГИМ. 1942. 16. С. 20–21. Рис. 8, 1.

²⁰ Иессен А.А., Пиотровский Б.Б. Моздокский могильник. Л., 1940. С. 9. Рис. 6, 3.

²¹ Протомеотский могильник у с. Николаевское // Сб. материалов по археологии Адыгеи. Т. 2. Майкоп. 1961. С. 122. Табл. II, 2.

²² Мелюкова А.И. Результаты раскопок на двух поселениях скифского времени в Молдавии // КСИИМК. 1954. 56. С. 64. Рис. 27, 3.

²³ См., например: Гольцева Н.В., Кашиба М.Т. Глиняный II. Многослойный памятник Среднего Поднепровья. Тирасполь, 1995. Табл. 28, 29.

²⁴ Кашиба М.Т., Гольцева Н.В. Сахарнянский могильник I (Цылгэу) // СА. 1991. № 1. С. 202.

²⁵ Там же. С. 198.

²⁶ Мелюкова. Памятники... С. 62. Рис. 16, 5.

жайшая аналогия еще одной редкой форме – двуручному сосуду из кургана 98 из Паркан – явно видна в сосуде с двумя ручками из материалов Криводола²⁷, относящихся к культуре Басарабь. Сосуд с четырьмя дополнительными горлами, неудачно названный авторами публикации²⁸ «керносом», имеет аналогии в керамике Комаровского поселения, датируемого IX – началом VIII в.²⁹ О возможном фракийском влиянии на культуру населения Северного Причерноморья в предскифский период можно судить также по наличию корчаг типа вилланова, рассмотренных выше при характеристике керамического комплекса черноговровской культуры.

В раннескифское время количество лощеных сосудов резко сокращается. В описании первого Келермесского кургана упоминаются фрагменты двух лощеных сосудов: «Один из них имел блестящую черную поверхность с орнамент в виде геометрических узоров, поверхность другого была матовая, также с орнаментом»³⁰. Они были опубликованы А.А. Иессеном и Б.Б. Пиотровским³¹. Фрагменты тонкостенных лощеных сосудов изредка встречаются в материалах поселений, датируемых VII–V вв. до н.э. Они найдены в слоях поселения Широкая Балка³². Несколько обломков лощеной посуды найдено на поселении в с. Станислав³³. Значительная группа лощеной керамики обнаружена в древнейших слоях Ольвии. По-видимому, из некрополя происходит сосуд с высокой шейкой, украшенный резным геометрическим орнаментом, затертым белой пастой³⁴. Таким образом, лощеная столовая керамика, восходящая своими корнями к белозерскому времени и характерная для степных памятников раннего железного века, продолжает существовать (правда, в меньшем количестве) и в раннескифское время, доживая до VI в. до н.э. Вполне возможно, что это явление свидетельствует о присутствии киммерийского элемента, правда, неизвестно в какой форме, в составе населения Ольвии и ее периферии в ранний период.

Несколько образцов тонкостенных лощеных сосудов также найдены в слоях Каменского городища, в частности на дне хозяйственной ямы, датируемой серединой VI в. до н.э. и в раскопе V Каменского городища. В последнем случае на глубине 1,2 м от поверхности (квадрат 11) обнаружен «небольшой обломок лепного лощеного сосуда с резным орнаментом в виде заштрихованных треугольников. Цвет обеих поверхностей коричневатого-желтый»³⁵. Фрагменты подобной керамики найдены также в раскопе XI 1987 г. на глубине 1,50 м от поверхности в темном песке, отделенном от слоя IV в. до н.э. стерильной прослойкой³⁶. Принципиальным является то, что эти фрагменты найдены не в погребениях, а на памятниках, расположенных в местах возникновения традиционной оседлости в степной зоне Северного Причерноморья. Осмысливая этот факт в рамках общей теории кочевниковедения, можно прийти к выводу о возможности возникновения первичной оседлости в среде кочевых племен предскифского периода в канун прихода в Северное Причерноморье новой волны кочевников. По нашему мнению, наблюдаемая картина подобна той, которая сложилась здесь позднее на стыке скифской и сарматской культур и которая была исследована нами на гораздо более широком материале³⁷. Таким образом, возможно, впервые в археологии раннего железного века ставится вопрос о сущест-

²⁷ Чичикона М. Керамика от старата железа эпоха в Тракия // Археология. София, 1968. Кн. 4. С. 19. Обр. 13.

²⁸ Кубышев, Полин, Черняков. Ук. соч. С. 150.

²⁹ Ковпаненко Г.Т. Комаров // Словник-довідник з археології. Киев, 1996. С. 126.

³⁰ ОАК за 1904 год. СПб., 1907. С. 87.

³¹ Иессен, Пиотровский. Ук. соч. С. 9. Рис. 6, 3.

³² Рабичкин В.М. Поселение Широкая Балка // КСИИМК. 1951. 40. С. 122.

³³ Фабрициус И.В. Археологическая карта Причерноморья Украинской ССР. Киев, 1951. С. 70.

Табл. 6, 3.

³⁴ Капоштина С.И. О скифских элементах в культуре Ольвии // МИА. 1956. 50. С. 159. Прил. 1.

³⁵ Граков Б.Н. Опись коллекций Каменских кучугур 1949 года // НА ИА НАНУ. 1949/16. № 620. С. 39.

³⁶ Гаврилюк Н.А. Отчет о раскопках Каменского городища в 1987 г. // НА ИА НАНУ. 1987/12. С. 13.

³⁷ Она же. Скотоводство степной Скифии. Киев, 1995. С. 68–75.

вовании оседлого компонента как важнейшего следствия развития культуры населения (кочевого этноса) позднейшего предскифского периода.

В этой работе речь шла, по сути, о двух моделях контактов (этнокультурного взаимодействия) населения степного Северного Причерноморья и окружающего его мира. В первой модели, традиционной, реконструируемой по оружию и узде, интенсивные связи устанавливаются только с удаленным от него на сотни километров Кавказом. Исходя же из анализа общих и специфических черт керамического комплекса, мы приходим к гораздо более структурированной, динамичной и в то же время более естественной и сбалансированной модели этнокультурного взаимодействия автохтонного населения Северного Причерноморья не с Северным Кавказом, а с ближайшими соседями на Западе и Севере.

Оппозиция указанных моделей этнокультурных взаимодействий может быть легко объяснима. В силу неразвитости собственного металлургического производства население степного и лесостепного Северного Причерноморья вынуждено было обеспечивать свои потребности в высокотехнологичных изделиях типа оружия и узды путем их экспорта. В силу ряда причин северопричерноморские киммерийцы преимущественно были ориентированы на металлургический экспорт с Кавказа, располагавшего в рассматриваемое время достаточными сырьевым и производственным потенциалом. Неудивительно, что металлические изделия (главным образом оружие, узда), происходящие из погребений киммерийской северопричерноморской культуры, являясь предметами традиционного экспорта из центров металлургии Кавказа, отражают главные изменения, наблюдаемые в металлическом инвентаре синхронных памятников Северного Кавказа. Наличие этого потока вещей и породило представление о доминирующем влиянии памятников кавказского круга на культуру северопричерноморских киммерийцев. Таким образом, мы можем видеть, что работа с ограниченным числом категорий археологического материала приводит к недооценке связей киммерийцев степной зоны Северного Причерноморья с ближайшими соседями и к гипертрофированным оценкам значения их связей с Кавказом, т.е. к существенному обеднению представлений о реальной геополитической ситуации в предскифский период.

Подведем итоги исследования соотношения местных и заимствованных компонентов в киммерийской культуре, проведенного по материалам керамики (в основном лощеной столовой керамики) из степных погребений предскифского времени.

1. Большинство участников дискуссии по киммерийской проблеме не уделяют должного внимания яркому и информативному материалу – керамике из памятников (в подавляющем числе случаев из погребений) этого периода. В частности, в комплексе лощеной керамики новочеркасской ступени киммерийской культуры удастся выделить несколько «генетически» неоднородных групп, позволяющих искать решение вопроса о происхождении тех или иных форм этнокультурных образований.

2. Нельзя не согласиться с М.П. Грязновым в том, что лощеная керамика киммерийских памятников, являясь частью широко распространенной группы лощеных сосудов степных племен, сохраняет специфические особенности в форме и орнаментации на протяжении всего периода своего существования – от поздней бронзы до середины VII в. до н.э.³⁸ Современные данные позволяют не только описать, но и объяснить механизм развития этой группы керамики. Лощеная столовая керамика обычна для всех культур кочевых племен раннего железного века, не исключая черноморской и новочеркасской групп. Устойчивость ее форм и орнаментации объясняется, с одной стороны, стандартностью хозяйственно-бытового уклада, определяемого одинаковостью среды обитания исследуемых скотоводческих племен, а с другой – увеличением интенсивности и расширением их межплеменного обмена.

3. Керамический комплекс степных памятников предскифского времени складывается в конце бронзового века. Для каждого его этапа характерны определенные

³⁸ Грязнов. О чернолощеной керамике... С. 133. Рис. 114.

формы столовой керамики. Единственная постоянная группа керамики погребений – кубки, встречающиеся в погребальных памятниках с белозерского по раннескифское время. Черпаки характерны только для белозерского времени. На последующих этапах находки этого вида столовой посуды единичны: вероятно, она проникала в степь в результате межплеменного обмена. В черnogоровское время появляются кувшиновидные и кубковидные сосуды. Находки лощеных мисок в памятниках раннего железного века единичны.

4. По приемам и мотивам орнаментации, а также по формам выделяется ряд групп лощеных сосудов. Собственно киммерийскими нам представляются кубки и узкогорлые корчаги с прочерченным по сырой глине орнаментом, основная особенность которого состоит в делении орнаментального пояса рядом горизонтальных линий на полосы, заполненные простыми геометрическими фигурами.

5. Предположительно в предскифский период в украинской степи впервые появляются сосуды (узкогорлые корчаги), предназначенные для обработки и хранения молочных продуктов.

6. Лощеная керамика предскифского времени, особенно в бедных погребениях, например в таких, в которых отсутствуют металлические изделия, может служить датирующим признаком.

7. О связи с лесостепными племенами свидетельствует керамика как черnogоровской, так и новочеркасской групп памятников, причем в новочеркасской группе это проявляется сильнее. На основании изучения керамического материала, вопреки существующему мнению, приходится говорить не о проникновении кочевого элемента в лесостепь, а наоборот – о проникновении в степь носителей лесостепных культур (в частности, четверть керамического комплекса новочеркасской группы составляет керамика, заимствованная из лесостепи). При этом сосуды лесостепного облика встречаются преимущественно в погребениях степного Поднепровья. Таким образом, есть основания говорить о всплеске лесостепного влияния на степь в новочеркасское время. Однако о формах этого влияния говорить пока преждевременно.

8. В керамике западных районов распространения киммерийской культуры отчетливо прослеживается влияние фракийских культур Сахарна-Солончены, памятников типа Шолданешты.

9. Немногочисленные находки из киммерийских погребений Крыма (черnogоровские и новочеркасские памятники) свидетельствуют о связях населения этого региона с протомеотами.

10. В формах и орнаменте единичных находок – кубков из Чернобаевки и кубковидного сосуда из Николаевского музея – отслеживается существование контактов киммерийских племен с населением Северного Кавказа.

11. Единство комплекса металлических изделий в предскифский период раннего железного века создает иллюзию сильной связи обитателей Северного Кавказа и населения лесостепной и степной зон Северного Причерноморья. Однако анализ керамического киммерийского комплекса приводит к другим выводам. С учетом результатов исследования керамического материала векторы культурного воздействия внешнего мира на северопричерноморских киммерийцев мы располагаем в следующий ряд: сильное влияние лесостепной культуры; умеренное влияние «фракийского гальштата»; слабое влияние протомеотов; единичные следы влияния со стороны населения Северного Кавказа.

12. Особую группу керамики составляет лощеная посуда из памятников, располагающихся в местах традиционной оседлости кочевников в северопричерноморской степи. Исходя из общих представлений о развитии кочевничества эту группу керамики можно интерпретировать как свидетельство возможности перехода к оседлости в конце киммерийского этапа истории северопричерноморской степи.

13. Спустя 20 лет после выхода монографии А.И. Тереножкина «Киммерийцы» остается в основном справедливым разработанный им подход при решении вопроса о

происхождении киммерийского этноса. Концепцию А.И. Тереножкина о северопрichernоморском происхождении киммерийской культуры удается подтвердить выделением собственно киммерийской лощеной посуды и дополнить ее выводами о сильном влиянии культур лесостепных соседей и заметном влиянии фракийского гальштата. Кроме того, прослеживаются связи с племенами Северного Кавказа и Прикубанья (протомеотами). Возможно, из этого региона поступали другие виды инвентаря.

Полученные выводы следуют из исследования керамики – обязательного, но не единственного, более того, явно недостаточного источника разработки любой проблемы древней истории. Поэтому ближайшие задачи – это увязывание полученных данных с результатами изучения других категорий материала, систематическое использование общей теории кочевниковедения и полевые исследования с целью пополнения все еще скудного фактического материала.

Н.А. Гаврилюк

NATIVE AND BORROWED COMPONENTS OF CIMMERIAN CULTURE (CERAMICS)

N.A. Gavriljuk

The paper analyses the ceramics of the Pre-Scythian (Cimmerian) culture. Some ceramic forms (cups) can be found in all the periods of the Pre-Scythian culture from the Belozersk period till the Early Scythian period; but usually a particular ceramic form is characteristic for a particular period.

The analysis of the ceramics shows various external influences on the Pre-Scythian steppe population, the strongest being that of the forest-steppe, especially in the Novocherkassk period. Besides one can observe a moderate influence of the "Thracian Hallstatt" cultures, a weak influence of the Proto-Maeotic culture and a still weaker North Caucasian influence.

Историческая география античного Причерноморья

© 1999 г.

ХЕРСОНЕС ТАВРИЧЕСКИЙ И ЕГО ХОРА*

Херсонес Таврический – колония Гераклеи Понтийской – основан в 422–421 гг. до н.э. на Гераклейском п-ове в Юго-Западном Крыму. Ко времени его основания в приморской части Крыма уже существовали ионийские колонии Пантикапей, Феодосия и Керкинитида, степи были заселены скифами, а предгорья заняты племенами кизил-кобинской культуры (в античной литературной традиции – тавров) – горных земледельцев и скотоводов. Поселения располагались на склонах плодородных речных долин и балок, где были условия для выращивания мягкой и карликовой

* Статья написана в рамках проекта «Историческая география античного Причерноморья», поддерживаемого РФФИ. Код проекта № 96-06-80.053.